

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

© — 1995 А. А. ДЕРЮГИН

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРИЕМА «СКЛОНЕНИЕ НА НАШИ (РУССКИЕ) ПРАВЫ»

Проблема вольного перевода рассматривается автором на материале русской драматургии XVIII века. Особое внимание уделено взглядам В. И. Лукина и А. Ф. Лабзина.

The author considers the problem of free translation using the material of the 18th-century Russian dramatic art, paying special attention to V. I. Lukin's and A. F. Labsin's views.

Один из путей изучения истории перевода — уяснение подлинного значения переводческих терминов, употреблявшихся в тот или иной период. Обращаясь к русскому переводу XVIII в., исследователь обнаруживает некоторую расплывчатость понятия «перевод со склонением на наши нравы» (ПСНН), которым вплоть до середины XIX в. определялась одна из разновидностей вольного перевода. Этим, по-видимому, и объясняется расхождение в оценке данного приема историками русского перевода. Одни говорят о сторонниках «склонения» с осуждением, зачисляя их в «рьяных противников» точного перевода [1, с. 51—52], другие стремятся объяснить историческую закономерность явления [2, с. 10, 16; 3, с. 150].

Элементы ПСНН встречаются уже у А. Кантемира. В переводах из Анакреонта он заменял античные реалии русскими [4, с. 343]. Широкое распространение переделки такого рода получили в 60-х годах при переводе комедий. Тогда же эта концепция получила развернутое теоретическое изложение. Автором ее был известный переводчик комедий В. И. Лукин (1737—1794). Он провел четкое разграничение между точным переводом, который «надобен для чтения и для показания автора в истинном его виде», и переделкой со склонением на наши нравы, которая предпочтительнее «для представления на театре», так как «тут надлежит не столько красоте и силу чужестранного писателя показывать, сколько исправлять пороки» [5, с. 116]. Мысль, что ПСНН повышает воспитательное воздействие произведения, высказывали и другие переводчики, например Л. Сичкарев [6, с. 14]. Успеху ПСНН способствовало и то, что они стимулировали создание русских оригинальных комедий. Лукин считал переделки более полезными для русской драматургии, чем точные переводы. Отсюда снисходительное отношение к своим предшественникам: «Оные, может быть, тогда по нужде от слова до слова переводить начали, чтобы чем ни есть поддержать восстановленный театр, подлинных (т. е. русских) комедий не имеющий» [5, с. 113].

Переводы Лукина вызвали противоречивые отклики: с одной стороны, «удовольствие многих зрителей» и «благоволение двора», с другой — упреки: «Переделывать комедии стыдно для прелатателя, а потому бесчестно и для его одноземцев. Лучше... свои подлинные делать» [6, с. 114]. Современному исследователю может показаться [1, с. 51—52], что критиками Лукина были сторонники точного